

В. В. КОЛЕСОВ

Заметки о языке Летописца Еллинского и Римского второй редакции

(К вопросу о месте и времени составления)

Уважаемый юбиляр завершил свой многолетний труд и подарил нам превосходное издание памятника, по исполнению и качеству равное классическим трудам прошлого.¹ Это издание содержит такое обилие надежной и важной информации о средневековом русском языке, что возникает желание уточнить в том числе и утверждение о том, что «с ответом на вопрос, где был составлен Летописец Еллинский и Римский второй редакции, стоит повременить, хотя ряд косвенных свидетельств побуждает искать его составителей среди новгородских книжников».² Не усложняя изложение многочисленными примерами (они бесконечны!), покажем особенности текста в их отношении к диагностирующим время и место распространения тем или иным особенностям языка.³

Летописец Еллинский и Римский второй редакции (далее — ЕЛ-2) составлен в начале XV в. из многих славянских, в том числе древнерусских, переводных текстов, среди которых такие обширные, как Хроники Амартола (далее — ХА) и Малалы (далее — ХМ), Александрия 2-й редакции (далее — Ал), книга пророка Даниила в толковании (далее — Д), византийские хроники, извлеченные из Хронографа по великому изложению (далее — Хр), с более мелкими, но также сделанными на Руси переводами и переложениями: Житие Константина и Елены (далее — КЕ), Сказание о построении Софии Царьградской (далее — Соф), Житие Богородицы (далее — ЖБ), переделка из Иосиппона (О взятии Иерусалима Титом), «Начало царства крестьянского» (далее — ЦК), Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 г. (далее — Крест), полемические тексты «против латын» (далее — Лат), пополнения из различных источников, в том числе из Слов на 1-ю неделю поста, об умерших (далее — Сл) и т. д., а также собственно русские летописные тексты (далее — Лет).

Пестрота материала затрудняет исследование текста с точки зрения его языка, но вместе с тем дает возможность определить различия, существующие между отдельными его фрагментами. Самое первое знакомство с текстом показывает богатство его грамматических и лексических

¹ Летописец Еллинский и Римский Т 1 Текст СПб, 1999

² Летописец Еллинский и Римский Т 2 Комментарий и исследование О В Творогова СПб, 2001 С 193

³ Особенности древнерусских рукописей относительно их языка описаны Колесов В В 1) О русизмах в составе древнерусских текстов // Древнерусский язык домонгольской поры Л, 1992 С 121—155, 2) Различительные особенности письма в русских рукописях XI—XIV вв // Историческая стилистика русского языка Петрозаводск, 1998 С 23—51

средств, которые истощаясь сохраняют особенности момента перевода (XI—XII вв.), заботливо перенесенные писцами из более ранних списков. Только в частях ХА и ХМ не находим древнерусских форм имперфекта (*глаголашесть, имяхуть, бяхуть*, также от основ настоящего времени *любляше*), но лишь там встречаются нестяженные формы (*глаголааху, имѣаше, пытааше*), часто используются формы аориста типа *рѣша, дасть, бысть*, древняя форма *вѣдѣ* в 1-м лице настоящего времени, перфекты со связкой, распространена препозиция *ся* (*ся дѣеши*), часты причастия типа *мога, крыть*, русские формы дательного/местного падежа местоимений *тобѣ, собѣ*, энклитические формы *ми ти си* в значении частиц; даже формы супина; архаические формы склонения, особенно у основ на согласные, а также *i-основы у слов мужского рода (*медвѣдѣ, зять, звѣрь, гусь, днь*), распространенность флексий *й-основ у слов мужского рода (*родове, поповѣ, слонове, дворовѣ*), архаические формы типа *денью*; почти в полной чистоте сохраняются формы двойственного числа всех частей речи, возможны склоняемые краткие прилагательные (*въ бѣлахъ ризахъ* 352,⁴ *надеждами высоками* 494); беспредложные местные падежи в значении времени (*умре сей ноци* 312, *зимѣ суци* 121, *веснѣ* 423) и т. д. Основные грамматические изменения форм не завершены к моменту создания ЕЛ-2 или еще не осознаются как архаизмы; они показывают общую для всех текстов атмосферу древнерусского литературного языка, причем здесь представлены и те «архаизмы», которые в рукописях XII в. отражены редко, в виде исключений, поскольку в то время существовали свои запреты на отражение языковых (тогда) новаций.

Отметим преимущественно формальные особенности текста, они не подвергались особым исправлениям при переписывании, поскольку не были релевантны в смысловом ряду изложения.

Сложение ЕЛ-2 безусловно относится к первой четверти XV в., когда новые особенности письма, связанные со вторым «южнославянским» влиянием, уже были известны, но не получили законченной нормы, одни и те же орфограммы могли передаваться различным способом: *моя* и *моа*, *первый* и *пръвыи* и т. д., но не в тех случаях, когда написание искажало произношение русского слова. Так, здесь по всем текстам представлены (в большом количестве) написания с начальными *о*-, *у*-, *я*-. *одва, одинъ, оже, озеро, Олена, олень, оли, олядь; ужики, узъ, унъ, унота, угъ, утро, уродъ, утръ, Улианъ; яблоко, яблочный, ямо же, ящерица, ящъ* и т. д. Исключения редки, разбросаны по всему ЕЛ-2, но в различных проявлениях, т. е. в одном тексте может быть *Елену* 272, в другом *елень* 101, в третьем *близ езера* 181, в четвертом *въ ютрѣи* 311, в пятом на *югъ* 7 и т. д. Написания типа *азъ, акы, амо же* (но: *ямо же* 80), *раздѣли а на...* и пр. возможны в начале ЕЛ-2 в текстах из Д и ХМ, т. е. в южнославянских ранних переводах. Очень последовательно пишутся «русские» формы с *ч, ж* вместо «славянских» *шт, жд* (*возжа, надежа, нужю, Рожества, одежу, вижъ! повѣжъ! яжъ! дажъ! хочю* и др.), но в положении перед *у* возможны написания типа *одеждю, междю, виждю, страждю, надеждю*, которые показывают особую мягкость *ж* именно в этой позиции; любопытно также написание формулы *да же и до...* (461), *до же и до...* (313, 314 и др.) как *даждъ и до* (ныне) 202 и другие, *дажде и до...* 82, 104 и т. д. Это интересно при наличии гиперизмов вроде *мятежду вставишу* 344, *въ дожда мѣсто* 345, *заградждение* 464 и под., которые подчеркивают особое произношение сложной аффрикаты (ср. еще *раждегшуся* 330).

⁴ Цифры в примерах означают страницу в тексте ЕЛ-2 по изданию О. В. Творогова (см. примеч. 1).

Написания типа в *зорѣ заутра* 243, *робѣ своихъ* 243, за *робы наша* 234 и т. д. также сохраняют древнерусскую огласовку при возможных тут же написаниях *от рабѣ* 249, *работу* 244 и пр. Удивительно много в тексте ЕЛ-2 примеров русского полногласия, причем некоторые из них совершенно новые для XV в. (в корнях с восходящей интонацией типа *молочны овцы* 142, *до порома* 466, *порочами* 116, *сторонѣ* 139, *солому* 139, *шеломы* 331, *болото* и др.), а в некоторых случаях все же архаичные. Так, замеченная еще А. А. Шахматовым особенность в употреблении слова *плѣнь*, *плѣнити*, *плѣнение* с исконным «ятем» до XV в. строго сохраняется в ЕЛ-2 (речь об отвлеченном значении 'плен', в значении 'пленники' пишется только *полонѣ*, *полоня*, *все полонени*). Видно, что составители осознают отличие в написании этого слова от других «неполногласных», которые всегда почти пишутся с *е* (*время*, *бремя*).

Совместно все приведенные факты показывают, что обязанные своим возникновением «влиянию» орфограммы не вынесены из более ранних списков, а появились уже в момент составления ЕЛ-2, однако основаны они на южнославянском произношении, отчасти отраженном в оригиналах; написания же типа *адѣ*, *агня*, *азѣ* выступают уже как книжные архаизмы.

Столь же общими для большинства текстов являются следующие типы написаний: с *т*, *д* в сочетаниях *ср*, *зр* (*издрече*, *пострамы*, *раздрушается*, *пристрѣтающе*, *раздѣствуя*, также постоянно во всех формах *ужасть*) — исключения только в *Лет (усрѣтъ 417, усрѣтении 400)*; *седмь*, *осмь*, *огнь*, *вѣтрѣ* и пр.; почти всегда отсутствует стяжение в наречии *вынѣзапу*; архаические написания *аггелѣ*, *еуаггелистѣ*; довольно последовательно передаются сочетания *кы*, *гы*, *хы* (*ки*, *ги*, *хи* изредка лишь в заимствованных словах), равно как и исконные написания типа *чя*, *шя*, *чю*, *шю*, *жю*, *щю* и под.; в начале ЕЛ-2 встречаются отклонения от русских написаний, типа *стегны* 51 (в других списках *стогны града*), *трезны праздноваша* 53, также написания *сесца* при *съсца*, которые признаются особенностями южнорусских рукописей.

С конца XII в. в русских рукописях встречается смешение *и/ы* после некоторых (преимущественно сонорных) согласных: *нинѣ* 95, 97, 154, *попирающе под землю* 144, *рищуици* 315, *издригнути* 375, *колибаться* 232, 236, *окрилатѣвшю* 374, *крило* 398, *крилатым* 399, *дрѣвными грѣхы* 336, *користѣ* 51, *единимъ съвѣтомъ* 51, *римляными* 84 и другие в текстах, восходящих к спискам ХА и ХМ, а также древнерусского перевода Ал. Особое положение с сонорными отмечается и в сочетаниях типа **tъrt* (о них ниже).

Во многих текстах ЕЛ-2 встречаются лексические и семантические русизмы; они описаны исследователями, изучавшими конкретные памятники, вошедшие в состав ЕЛ-2. На наличии таких русизмов часто основано доказательство древнерусского перевода того или иного текста. К их числу относятся слова, одинаково возможные как в западнославянских, так и в южнославянских говорах (и текстах); ср. древнерусские и западнославянские, отмеченные и в ЕЛ-2: *вазнь*, *волот*, *выя*, *вѣно*, *жидѣ*, *клюдити*, *кокоть*, *серенѣ*, *мальжена*, *оходѣ*, *крамола*, *кра*, *порода*, *шатѣрь*, *язва*; древнерусские и южнославянские: *шида*, *шия*, *хуса*, *бояринѣ*, *недугѣ*, *каженикѣ*, *жизнь*, *трупѣ*, *тѣкъмо*; собственно древнерусские слова *блядня*, *блядство*, *гребля*, *отнь*, *жаль* ('гроб'), *пѣт(ѣка)*, *кошка*, *шуринѣ*, *шѣгла*, *узорочьѣ*, *чрѣсъ* ('кошель'), *чѣрвь*, *онсица*, *уивецѣ*, *свадьба* и особенно семантические русизмы *ружити*, *лаяние* 'руганѣ', *отишие*, *полкъ*, *обило*, *страда*, *клюка*, *клюкаво*, *година*, *сѣно*, *срамѣ*, *село* и некоторые другие.

Подобных русизмов более сотни, но необычная насыщенность бытовой лексикой в собранных в ЕЛ-2 текстах невольно наводит на мысль,

что многие слова «обычного» характера также могли быть русскими по происхождению, во всяком случае в составе определенных словосочетаний типа *напухлыма очима* 220, *ноздрама распыренами* 277, *приклепени бѣдою* 157, *шатавшаяся уста* 450, *по оцреным мѣстом* 105, *пошибену ему* 471, *яко се курящися в теплѣ крови пѣнящюся* 280, *извьсть клѣвита* 366, *похухнивѣ нравомъ* 436 и *земли кипящи престуденѣ* 141, *въстропившиися* по-многоу 267 и другие, столь же выразительно образные речения, передающие метафоры греческого текста. Описание лексики этого значительного памятника требует особого внимания, здесь отметим лишь заимствования, обычно встречаемые только в древнерусских текстах: *грамота*, *грьдь*, *жемчюгъ*, *извьсть*, *керста*/*корста*, *коврига*, *крюкъ*, *олядь*, *палата*, *руга*, *сапогъ*, *фарь*. Архаичность лексической системы удостоверяется многими фактами, например употреблением пары *десный* — *шюши*, *правый* замещает слово *шюши* только в XV в., именно это слово здесь не употребляется, а *лѣвый* (известно с XII в.) используется в своем прямом значении 'неблагоприятная, кривая сторона' в Ал: «Да иже хошет мѣсто се минути, да лево да идѣть: вся бо воды мира сего от лѣвыя страны приходять» (137). Исходное распределение слов *животъ* — *житие* — *жизнь* также уже разрушается, но в поздних текстах (Крест и Лет), а в ранних и переведенных у южных славян (Д, Хр) различие в обозначениях физического существования, противопоставленного смерти (*животъ*), социального пребывания (*житие*) и вечной *жизни* сохраняется; примеры исчисляются сотнями.

Поскольку ЕЛ-2 — памятник анфиладного типа, в нем во множестве встречаются слова, впоследствии ставшие синонимами и представлявшие разные стили речи. Варианты могут встречаться почти рядом, ср.: *породную пищу* 52 — *в раи* 52, *точию* 40 — *токмо* 60 (оба наречия употребляются часто), *скотца* 70 — *кажникомъ* 70, *крестьяна* 384 — *христьянъ* 385 (преобладает второе), *кузнецъ* 417 — *ковачь* 417, *улыснувся* 115 — *осклабився* 116, *на шю* 389 — *на вью* 386 (оба слова одинаково распространены), *отишше* 346 — *пристанище* 346, *опаша* 142 — *ошиба* 142 ('хвосты'), *корабли* 336 — *лодии* 338, *оплоты* 443 — *забрала* 442, *отень* 305 — *отцевъ* 305, *папа* 456 — *папезжа* 468, *изящень* 403 — *изрядень же мужъ* 332, *срамъ* 392 — *удъ таинный* 447, *бисерь* 357 — *жемчюгъ* (второе преобладает), *весь* — *село* 299, также *бояринъ* — *боляринъ*, *красота* — *лѣпота*, *блядствие* — *еретичество*, *недугъ* — *болѣзнь*, местоимение *сеи* — *сесь* при *ты*, *грамота* — *епистолия* — *рукописание* — *хартія* (даже *хартія рукописалная*) и т. д. Впечатление такое, будто составители ЕЛ-2 мало заботились о формальной стороне дела, насыщая текст всеми вариантами слов, грамматических форм, написаний, отражающих различные стили произношения и разные традиции письма.

Несведенность к общему стилевому знаменателю и отсутствие редакторской работы с языком здесь заметны, дополнительно подтверждая факт раннего составления ЕЛ-2 и неопытность в редакторской работе над языком — это еще немаркированная сторона книжного дела. В распоряжении книжников еще нет гиперонимов (слов родового смысла), которыми можно было бы заменить разношерстную лексику разного происхождения и характера; они работают в традиции раннего средневековья, для которой характерно накопление видов (а роль рода играет один из видов) или, образнее сказать, когда словесная ткань текста полностью соотносится с изображением на иконе: каждая вещь сама по себе, в собственной перспективе движения, не зависящей от соседних вещей и ликов (*обратная перспектива*). Каждое слово ценно и не может быть опущено или утрачено, поскольку оно уложено в рамку только для него созданной словесной формулы; формула же переведена с авторитетного греческого

текста и представляет собой важный источник знания о прошлом, иначе недостижимом. Кроме того, каждая формула специализирована в смысловом отношении: любое имя выделяет только ему присущий *типичный признак качества*; например, здесь всегда *конь борзый, рѣка быстра, мужь скорь* и т. д., хотя все эти виды «быстроты действия» можно было бы объединить гиперонимом.

Что норма написания еще не устоялась, хорошо иллюстрирует положение с редуцированными гласными.

Тщательность переписки оригиналов показывают написания типа *много, пѣта, кѣнязь* с изолированным ѣ, в произношении исчезнувшим в XI в.; столь же последовательно пишется местоимение *всь* (до XV в. это особенность новгородских рукописей). Что ЕЛ-2 отражает состояние после падения редуцированных (Р), доказываются случаями ассимиляции по глухости/звонкости, отмеченной в новом написании слов типа *свадьба, здравъ, здание, гдѣ, чрез* (ср. также *тяшка* 312 и пр.), а также различными рефлексамии напряженного Р в слабой позиции (например, в частотном наречии *въину* — вечно: *выну, въину, воину, выину*), что указывает на незавершенность процесса до времени составления ЕЛ-2. В северных по происхождению списках ЕЛ-2 колебаний больше (в новгородских говорах падение Р завершилось чуть ли не в XIV в.), здесь одновременно могут быть написания *гдѣ* 404 — *кдѣ* 359, *чресъ всю* 451 — *чрезъ все* 460, *възпи* 377 — *въспи* 341 и под. Но и остальные части текста и рукописи демонстрируют незавершенность процесса падения Р. Отражен тот момент их изменения, когда происходило фонетическое удлинение сильного Р, но еще не осуществлялось его обобщение в парадигме склонения (идея парадигмы не осознана так же, как не осознана идея гиперонима — в обоих случаях проявление метонимического мышления). Мы можем встретить соответствия типа *чтець — четца* 307, *хребет — хребѣта* 386, *снемъ* 22 вместо *сонмъ, жрець* 62 — *жерца* 27, *жерцу* 61, *жерци* 213 и другие при отсутствии выравнивания в парадигме по общности корня (*жрець — жреца, жрецу, жреци*).

Однако Р уже исчезли, что доказывается последовательной передачей сильных редуцированных: *простець, скопецъ, отецъ, лодеи, гридеи, кадеи, звѣреть, звѣрекъ, мужескъ, женескъ, бабескъ, маслинень, сесца, сотлишиа, начениу* и под. Здесь много написаний, подтверждающих мнение о том, что в процессе падения Р (он был длительным) возникали ситуации, усложнявшие произношение сложных сочетаний согласных, и тогда слабый Р мог сохраняться как замещение гласности. Это особенно четко проявляется в архаических формах причастия типа *оставлешие дѣло* 367, *являшеся ему* 368, *удивлежеся* 272, *противлешюся ему* 412 и столь же часто в суффиксах типа *воинество* 312, *разнеству* 326, *напраснеству* 334, *богачество* 364, *изящено житие* 383, *корчемарь* 428, *обеицику* 313, *ревение* 334, *вяцеша* 322 и мн. др. И здесь преобладающим типом являются сочетания с сонорным, фонетическая длительность («сила») которого требовала передачи некоторой гласности звучания. Неорганическая гласность в соседстве с плавными наиболее интенсивно проявляется на с. 280—390 (Крест), здесь содержатся особенности речи северных говоров XIII—XIV вв.

Наоборот, ассимиляция согласных по мягкости/твердости как результат падения слабых Р полнее всего и массово отражена в начальных частях текста (Д, Ал, «Начало царство Римскаго»), ср.: *ельлинскъ* 64, *ельлинъ* 420, *коньчина* 68, *землю* 116, *сътъны* 43, *чясти* 80, *власѣтию* 64, *область* 77, *опусѣтъниа* 52, *въскорьми* 81, *въ сътегнахъ* 84, *звѣрь* 48 и мн. др. при обозначении отвердения перед твердым согласным: *стъкланъ*

145, звѣздныи 92, 147, звѣздная 134, земьное 156, гривну 46 и особенно в заимствованных словах типа *Августу* 317, к *Керъковси царю* 173, *гиганѣта* 8, *горьгонію* 171, *олѣтаря* 486, у *рахъманъ* 144, *варъвары* 415 и др. Исключения редки, зато последовательно пишется ъ в суффиксе на месте ь (*стремъство* 44, *десъное* 92, *мудръствовати* 9) при отмеченном уже написании е в этих же морфемах (также и в заимствованиях: *егупетъскимъ* 93, *еладъскы* 93, *кедръскія* 299, *жидовъства* 158 и т. д.). Смягчение охватывает в основном зубные согласные, а отверждение происходит в соседстве с заднеязычными — этот момент развития системы относится к XIII в. на юге и близок к XV в. на северо-востоке. Отражая различные этапы развития редуцированных, разные тексты могут показать их последовательность в условиях несформировавшейся орфографической системы.

Независимо от происхождения исходного текста около 40 корневых сочетаний типа *ьrŕt последовательно передаются в «русском» произношении с гласными о, е; в *болгарехъ*, *боръзости*, *веръсты*, *вертепъ*, *голъка*, *издолблени*, *долгы шеи*, *желтъ*, *исъ керъсты*, *кормить*, *мертвъ*, *смерть*, *умолю*, *молнии*, *полкъ*, *сквернъ*, *серна*, *скорпи*, *смори*, *солнце*, *столпъ*, *твердъ*, *толицу*, на *торзѣ*, *церковь*, *червь*, *чернъ*, *червень*, *черъмное*. Никаких «влияний» тут не замечается. Преимущественно в новой орфографии употребляются словесные корни *вьрг-*, *вьрх-*, *вълхв-*, *дырж-*, *дырз-*, *жърло*, *жъртв-*, *мърз(ък-)*, *пълз-*, *първ-*, *пърс-*, *пърст-*, *пърсть*, *сърд(ьце)*, *скърб-*, *търн-*, *търп(ѣти)*. Все они также употребляются в текстах разного происхождения (следовательно, являются особенностью составителей ЕЛ-2), иногда пишутся и с о, е, но обычно в тех фрагментах, которые можно связать с выражением высокого стиля или с выделением терминологически важных слов (*волхв*, *жертва*, *персть* и все остальные). Во втором случае пишется именно ъ, речь может идти не об остатках фонетического второго полногласия, а именно об условном соединении произношения (с е) и написания (с ъ): *жърѣтвы* 128, *жърѣтву* 276, *жърѣтвы* 445 как исключения при обычных *жърѣтва*, *жърѣтву* и т. д.

В ЕЛ-2 отражаются особенности средневековых новгородских говоров. В области фонетики они весьма выразительны.

Переход е—о после шипящих (*жонъ* 420, 462, *жону* 453, *жолви* 460, *шолковицу* 134, *предлежащому* 438 и др.), утрата л в сочетании *вл* (*умерщяюще* 386, *смолвлено* 414, *уязвяеми* 116), утрата в в некоторых положениях (рядом с б, у: *поблаговѣстѹя* 443, *царствовашиѹ* 375, *обалавшия в калѣ* 351), смешение в/у (*сѣвузѣ чресъ его* 45, *разрѣшая сѣвузы* 45, *не всумнѣся* 322, *вгоденъ* 41, *увѣтрока* 94). Фонетического происхождения и форма связки в 1-м лице: «Се мы с тобою есμε» 508 (в новгородских рукописях с XI в.). Новый ять новгородского типа распространен по всему тексту в характерных морфемах типа *людѣи*, *копѣиныи*, *лодѣиныи*, *кораблѣи*, *отмѣстия*, *тѣсть* (но также *тѣща*), *козѣль*, *мѣчную*, *славѣнь*, *пѣсь*, *безмѣзному*, *сѣць*, *зѣлие*, *грѣчкыи*, *тѣврдъ*, *помѣрзываетъ*, *топѣрво*, *человѣць*, *краснопръсѣць*, *словесѣмъ*, *хребѣтъ*, с *сѣсѣмъ* и под. Было бы трудно перечислить все примеры изменения ятя в и, обычно в положении перед мягким согласным; кроме того, некоторые морфемы обобщают написания с и на месте ѣ; в новгородских рукописях до XV в. это отметил В. В. Виноградов (*вси*, *всимъ*, *всихъ*, *видивши*, *видивъ*, *видихъ* и под.). Неудивительны и обратные написания типа *сѣѣтокъ* 501 (*свитокъ*), на *прѣснемъ Сыну* 297 (*присном*), как и написания с е типа *верно* 437, к *стенамъ* 126, *сеи дедъ* 260 — они как раз и доказывают новгородское происхождение проникших в текст написаний, поскольку в положении перед

твердым согласным это стало возможным еще в новгородских текстах XII в.

Новгородское смешение аффрикат представлено широко, причем с таким же обобщением ряда морфем, как и в случае с *и* на месте *ѣ*, ср.: почти последовательное написание слов *вѣнцевеху* 293, *вѣнцавше* 279, *невѣнцана* 476, *вѣнца* 498, *вѣнцанъ* 464, *вѣнца* 474 и пр. при исходной форме *вѣнецъ*; *концати* 298, *концинъ* 270, 426, *концавши* 279, 299, *конца* 472, *сконца* 496 и пр. при исходной форме *конецъ* и т. д. В названии народов такое обобщение почти абсолютно, но в «мягком» чокающем произношении, более свойственном этим говорам в древности (*срachine*, *нѣмечкыи*, *грѣчкыи*), что сохраняло исконное «нечокающее» произношение в словах типа *причеплѣни* 126.

При отсутствии содержательного выравнивания словоформ в грамматических парадигмах такой тип выравнивания по звучанию оказывается характерным приступом к последующему обобщению; в новгородских памятниках XIV—XV вв. именно такой тип выравнивания парадигм и представлен. Он основан на чисто фонетическом принципе фонемной согласованности *и/ѣ* или *ч/ц* при отсутствии между ними маркированной противоположности (перераспределение по позициям в составе словоформ). Фонемная безразличность звучания готовила форму для воссоздания грамматических парадигм, что и случилось только после завершения формирования книжных норм (в том числе и орфографических) и создания образцовых текстов нового содержания.

Этими краткими замечками и ограничимся, оставляя до другого времени подробное обоснование сделанных здесь выводов, которые сводятся к следующему.

Текст ЕЛ-2 составлен в Новгороде; предположение О. В. Творогова на сей счет основательно, все привлеченные им списки так или иначе отражают особенности новгородской речи и принятых в Новгороде XV в. правил письма.

Влияние новой традиции письма менее всего затронуло северные пределы Руси, однако элементы такого влияния уже налицо; они используются в стилистических целях, но не последовательно.

Особенности средневекового русского языка представлены в полном виде, но также не последовательно; севернорусские черты преобладают. Влияние инородных систем, вроде «церковнославянского языка», здесь минимально.

Ни определенно стилистических, ни строго логических (на уровне парадигм) распределений еще не отмечается; даже на лексическом уровне смешиваются лексемы самого разного характера и происхождения, в том их виде, как они дошли в составе своих (переведенных или оригинальных — в Лет) текстах.

В тексте ЕЛ-2 мы находим внутренне противоречивые тенденции развития языка, поскольку они не согласованы в момент сведения разнородных текстов в рамках *готового и проверенного литературного языка* — такой язык только-только начинает создаваться, в том числе и на основе текстов данного типа.

Подвижнический многолетний труд Олега Викторовича Творогова дает исследователям исключительной ценности источник, важность которого увеличивается благодаря возможности включить его изучение в плодотворную традицию филологических штудий наших классиков и проветрить их результаты в терминах, понятиях и методах современной науки.